

ХРИСТИАНСТВО КАК ОСНОВНАЯ РЕЛИГИЯ
ГОРЦЕВ ЧЕРНОМОРЬЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

РЯБЦЕВ А.А., ЧЕРКАСОВ А.А.

CHRISTIANITY AS MAIN RELIGION
OF BLACK SEA REGION
MOUNTAIN DWELLERS
(FIRST HALF OF XIX CENTURY)

RYABTSEV A. A., CHERKASOV A. A.

The article examines religious views of Black Sea Region mountain dwellers, namely Natukhaevtsy, Shapsugi, Ubykhi and Abazins just before and during Russian military presence.

В статье рассматриваются религиозные взгляды горцев Черноморья, а именно натухаевцев, шапсугов, убыхов и абазин накануне и в период становления русского военного присутствия.

Keywords: Christianity, religion, Black Sea Region mountain dwellers, Shapsugi, Ubykhi, Abazins, Natukhaevtsy.

Ключевые слова: христианство, религия, горцы Черноморья, шапсуги, убыхи, абазины, натухаевцы.

УДК 93/94

Под территорией горцев Черноморья подразумевается прибрежная территория, на которой проживали адыги (натухаевцы, шапсуги), убыхи и абазины (медовеевцы, садзы, джигеты и др.). Географически эта территория простиралась от Анапы до реки Бзыбь (современная Абхазия). Долгое время эта территория представляла практически обособленную зону для внешнего влияния, и лишь в начале XIX в. интерес к землям был возобновлен ввиду присоединения их к Российской империи. Так, в первой трети XIX в. на территории горцев Черноморья проживали многочисленные эмиссары и разведчики различных стран, среди них де Монперэ, Дж. Белл, Дж. Лонгворт, Ф.Ф. Торнау и некоторые другие оставили свои дневники, изданные впоследствии. Пожалуй, самым значимым и подробным среди этих работ стал «Дневник о пребывании в Черкессии» Джеймса Белла (английский эмиссар, подстрекавший горцев к войне против русских). Его «Дневник» был издан в Лондоне в 1840 г., однако переведен на русский язык и доступен для массового читателя лишь недавно – в 2007 г. По дневниковым и мемуарным записям лиц, проживавших у горцев, мы и проследим религиозные обычаи населения Черноморья.

Попробуем классифицировать эти источники. Как уже отмечалось, наиболее подробным произведением являются дневниковые записи Джеймса Белла, который едва ли не в стенографической форме конспектировал все происходящее. Его записи составили около 800 страниц, и именно в них мы обнаруживаем многочисленные неизвестные страницы жизни натухаевцев, шапсугов, убыхов и абазин. Записи другого английского эмиссара, Джона Логворта, носят более эпизодический характер, и его воспоминания, по сути, являются рассказом о пребывании у горцев. Что касается русского разведчика Ф.Ф. Торнау, оставившего «Воспоминания кавказского офицера», то необходимо отметить, что Торнау сумел посетить лишь абазин и практически не коснулся жизни убыхов и тем более шапсугов. Фредерик Дюбуа де Монперэ в своей работе под на-

званием «История черкесской нации» попытался проследить историю горцев Черноморья, начиная с первой трети XVIII в. Автор описал социальный строй, демографию и быт горцев Черноморья, а также попытки России начать конструктивный диалог с горцами задолго до вторжения.

Не секрет, что религия в повседневной жизни горцев Кавказа (в том числе Черноморья) занимала важное значение, так как рождение детей, бракосочетание, праздники, болезни, войны, эпидемии и т.д. влияли на степень религиозности населения. Начиная с III–IV вв. нашей эры, на данной территории Черноморья начинает распространяться христианство. Его активная фаза, со строительством новых православных храмов, продолжается до XV–XVI веков. Это обуславливается тем, что в 1453 г. турки захватили столицу Византийской империи Константинополь [1], а в 1461 г. под ударами турок пала столица другой христианской империи – Трапезунт (Трапезунтская империя) [2]. Оказавшись в окружении Оттоманской империи, горцы Черноморья, как и некоторые другие этносы Кавказа, продолжали сохранять христианские традиции, ставшие для них наследием предков.

Если учесть, что турки особого интереса к горцам не проявляли, ограничиваясь с ними лишь торговыми сношениями, то активной исламизации здесь не происходило. Тем не менее именно торговые сношения с турками стали в конечном итоге мотивом для обращения к исламу некоторых прибрежных горцев (в основном тех, которые имели торговый интерес). В поддержку этого тезиса свидетельствует следующий факт. Так, в селении Сочипсы где, как уже было отмечено, проживали и куда часто приходили турки, было заметным ревностное исполнение магометанской религии, в других же аулах и селениях этого не было [3]. Именно из их числа появились первые хаджи – паломники в Мекку. Примерно в 1780-х гг. в регионе, где проживали адыги, убыхи и абазины, была введена общая система религиозных правил, которая заменяла, по выражению Дж. Белла, «несколько безликих обрядов, исполняемых перед крестом» [4].

В 1837 г. адыгский судья из Адыгума Хаджи-Исмаель отмечал, что в нынешней религиозной системе распространены 4 книги: Библия, Псалмы Давида, книга евангелистов и Коран [5]. Необходимо по-

нимать, приставка Хаджи в имени судьи свидетельствует об его отношении к исламу, а это в свою очередь означает, что до введения системы религиозных правил речи о Коране здесь не шло. Несмотря на введение данной системы спустя 60 лет, в 1837 г., адыги Черноморья продолжали исполнять христианские обряды. Дж. Белл по этому поводу отмечал: «В один из дней Георгий (слуга Белла. – А.Р., А.Ч.) пировал за свадебным столом где-то между Пшатом и Геленджиком; большинство присутствующих на свадьбе людей отправились к древнему кресту и, сняв свои головные уборы, целовали его. Говорят, что пока лишь малое число жителей является обрезанными мусульманами, я склонен верить этому, судя по небольшому количеству тех, коих я вижу молящимися» [6].

В исполнении религиозных обрядов у горцев случались разделения по имущественному цензу. Приведем один показательный пример. Так, у шапсугов имел место обряд, в котором приняло участие 50 представителей местной знати. Каждый из участников принес с собой в качестве пожертвования продукты питания. Кроме продуктов, были принесены в жертву несколько коз; у головы жертв во время обряда были зажжены факелы, некоторые из них были прикреплены и на кресте. На большом расстоянии от креста были расставлены столы, и каждый, проходя мимо него, снимал свою шапку; но никто не приближался к кресту, за исключением трех или четырех человек, произносивших громким голосом краткую молитву – мольбу к божееству отвести от них войну, чуму и другие беды и ниспослать им счастье и обильные урожаи. Приблизившись к кресту и произнеся молитву, один из молящихся держал кусок, взятый на одном из столов, а другой – чашу, наполненную национальным напитком «шуат» [7].

Джон Лонгворт называл национальный напиток – «суат». Напиток являлся смесью из перебродившего просяного зерна и меда. Жидкость была густой и мутной [8]. Шуат подавался обычно в огромных деревянных чашках с ручкой; чаша передавалась из рук в руки среди групп крепких воинов [9]. Данный обычай называется братина. Братина в Древней Руси – сосуд с крышкой, в котором подавались на пиршествах напитки [10]. Несколько слов можно сказать и о самом напитке. У славян и многих других народов медовый на-

питок связывался с переходом в потусторонний мир. Мед был сакральным напитком для особенных торжеств, таких, как свадьбы, погребения или особые праздники. Именно в таком контексте медовуха употреблялась на территории Черноморья.

Несколько слов можно сказать и о традиции жертвоприношений, которые оказались весьма распространены в христианстве не только на Черноморье, но и на Кавказе. Так, жертвоприношения животных, например, в Грузии, до сих пор является древним обрядом, несмотря на то, что грузины православный народ. Иными словами, в редких исключительных случаях Православная церковь не возбраняла региональные особенности осуществления культа, разумеется, в том случае, если его преодолеть запретом не получалось.

Проживая у горцев около двух лет, английский эмиссар Джеймс Белл описал немало христианских обрядов у горцев Черноморья. Так, 23 октября 1837 г. (по новому стилю) Белл записал в своем дневнике: «В это время и в течение приблизительно пятнадцати дней отмечается очень древний праздник под названием Мерем. Толпы молодых людей ходят от дома к дому и проводят ночь в танцах, пении, в угощении друг друга и т.д. Часть обряда состоит в размахивании в воздухе лепешками, начиненными сыром, в то время как все присутствующие громкими криками обращаются к Мерем, прося ее ниспослать им крепкого здоровья, достатка и счастья. Этот праздник не сохранился на севере Натухача, за исключением его окрестностей; но он все еще отмечается на юге и востоке» [11]. В дохристианский период Мерем была покровительницей пчеловодства [12], а также образом женского божества [13]. В.Х. Тменов считает, что «в культе Мерем следует различать два слоя: христианский и кавказско-языческий. К христианскому слою относится прежде всего само имя Мерем, являющееся переделкой Марин. Сюда же нужно отнести представление об этой богине как о матери так называемого Великого бога. В остальном, насколько позволяет судить материал, культ Мерем не имел ничего общего с христианством. Земледельческий характер этого культа обнаруживается преимущественно в том, что праздник в честь Морем устраивался осенью, после сбора урожая» [14].

Несмотря на то, что праздник Мерем совпадал со сбором урожая, у горцев Черноморья была полная уверенность, что он возник в честь матери Иисуса во времена, когда господствующим в крае было христианство [15].

Эпицентром распространения ислама в XVII–XVIII вв. стал город-крепость Анапа, населенный турецкими жителями, торговавшими с окрестными территориями и Кубанью. В то же время, начиная от Геленджика и далее вглубь территории горцев Черноморья, в религиозных верованиях повсеместно доминирует христианство. Местные жители держали пост, отмечали Пасху (с ее крашеными яйцами), масленицу. Сохранился у большей части горцев Черноморья и древний обычай пить вино, несмотря на все запреты и предписания Корана [16].

В то же время многие правоверные горцы Черноморья соблюдали лишь внешние правила. С одной стороны, они полностью отказались от употребления вина, но с другой стороны, это не мешало им употреблять другой алкоголь – медовуху (напиток из меда и перебродившего виноградного сиропа). Употребляли горцы и местную водку [17].

В 1838 г., после установления русского военного присутствия в районе Саше (современный центр Сочи) у убыхов возник серьезный спор относительно снятия нескольких древних крестов, находящихся в зоне возможного действия русских. Три креста были особенно знамениты: один – висящий на дереве и два установленных (в отличие от других, они позолоченные). Как писал Дж. Белл, «народ в основном хочет снять их из боязни, что те попадут в руки русских, которые могут узреть в том некое их право на этот край как на исконно христианский; тогда как вождь Али Ахмет-Бей, пьющий много вина, никогда не замеченный в произнесении хоть одной мусульманской молитвы и подозреваемый в склонности к древней вере этого края, протестует против осквернения, что может принести перемещение этих реликвий веры их предков. Ахмет предпочитает защищать их там, где они находятся, и требует приказать оставить их в неприкосновенности» [18].

Дж. Белл оставил подробное описание креста, висящего на дереве на горе Аубларных в районе аула Саша (современный центр Сочи): «Там я действительно увидел

крест, висевший на толстой ветке старого дуба, к которой он был прикреплен железным поясом. Рисунок, что напротив, даст лучше всего остального представление и об этой любопытной реликвии древности, неоспоримом свидетельстве того, что некогда здесь царило христианство, и о месте, что для него было выбрано. Крючки были предназначены для приема множества разных приношений, что старательно там оставляли, пока они не оказывались клочками, уносимыми дождем и ветром. Иные их остатки указывали на то, что приношения такого рода были сделаны еще совсем недавно» [19].

Князь Али Ахмет-Бей, выступая в защиту креста, прямо указывал на него как на памятник древней веры СВОИХ ОТЦОВ [20]. Не лишним будет отметить и еще одно обстоятельство, упомянутое в записях русского разведчика Ф.Ф. Торнау: «...они (имеются в виду горцы Черноморья – А.Р., А.Ч.) составились из абазин, черкесов и европейцев, выброшенных, как говорит предание, на черкесский берег еще во время первого крестового похода» [21]. Первый крестовый поход состоялся в период с 1096 по 1099 гг. [22] и, вне всякого сомнения, оказал влияние на регион, так как войска собирались в районе Константинополя.

Князь Али Ахмет-Бей, он же в русской транскрипции Али-Ахмет Облагу [23], являлся наиболее влиятельным князем на территории от Саше до Бзыба (современная река Бзыбь, Абхазия). Во время первой встречи Белла с Али Ахмет-Беем первый обратил внимание на серебряный испанский меч князя. Осмотрев его, Белл обнаружил надпись на испанском языке: слово *cavalego* с девизом *Ad majorem Dei*. На мече имелись данные о месте и времени изготовления «Анно, 1664». Отмечая другие особенности меча, Белл обратил внимание на его большую степень изношенности [24]. По всей вероятности, девиз, записанный Дж. Беллом с меча Али Ахмет-Бея, был записан не полностью, а именно без последнего слова «*gloriam*». Если собрать эти слова вместе, то получится девиз Ордена Иезуитов «*Ad majorem Dei gloriam*», что в переводе с латинского означает «К вящей славе Божией» [25].

Данный факт о наличии и состоянии такого меча у одного из сильнейших князей Черноморья свидетельствует, на наш взгляд, об его отношении к христианству,

а вполне возможно и то, что данная реликвия имела непосредственное отношение к роду.

Кресты видели и другие английские эмиссары. Так, например, Джон Лонгворт (корреспондент лондонского «Таймс») описал крест, находящийся в районе Пшад: «Это – разваливающийся деревянный крест на возвышении неподалеку от берега моря, который, когда он еще, вероятно, свидетельствовал об усердии грузинской царицы Тамары, положившей немало трудов, чтобы пролить свет христианства на этих берегах, уже давно перестал отражать малейшее представление черкесов о христианстве или хотя бы о луче его света. Правда, сопровождавшие нас сняли свои колпаки при приближении к нему, но когда их спросили, почему они это делают, они отвечали, пожав плечами, что до них так делали их отцы. К древесине были прикреплены лоскутья одежды, которые, как мне сказали, служили подношениями по обету, а также для того, чтобы избавить тех, кто повесил здесь свои тряпки, от одолеваяющих их болезней» [26].

В первой половине XIX в. праздновали горцы Черноморья и еще один христианский праздник – День поминовения жертвоприношения Авраама. Этот день можно было назвать днем внесения младенца во храм. Согласно древнему обычаю каждый ребенок, достигший определенного возраста, должен был быть представлен Богу и ради Господа принесено в жертву одно животное. Данный обычай достиг практически полного охвата населения Черноморья, включая даже так называемых «мусульман». Дж. Белл в этом отношении привел один показательный пример: «...этот обычай достиг такой степени почитания, что даже те, кто считает себя мусульманами и испытывает к этим обрядам некое отвращение, как к «непрописанным их Писанием», принуждены приспособляться к нему, будь то силой привычки, будь то под влиянием мнения абсолютного большинства. Именно по этой причине мой добрейший нынешний хозяин, Зекуахаз-Оку, принадлежащий этому классу мусульман, тем не менее представил сегодня своего сына» [27].

Местом проведения данного обряда была долина Пшат, как и во многих подобных случаях, священным местом становился луг с небольшой дубовой рощей. Посередине рощи возводился крест, на-

против которого находились и некоторые другие, уже поврежденные временем. Перед крестом расставлялись столы, накрытые лепешками и пастой. Некоторые из жертвователей, передав приношения служителям культа, снимали свои шляпы, преклоняли колени перед крестом и склоняли головы почти до земли.

После этого начинался обряд. На этом церемониале остановимся поподробнее: «Он начался... коротким обращением к Великому Богу (Та Схо) с просьбой даровать им все его благодати и отвести от них все беды. Произнося эту мольбу, главный священнослужитель простер свою правую руку, в которой держал деревянный кубок той же формы, что и кубки, используемые во время службы в наших церквях, наполненный шуатом; в своей левой руке он держал лепешку из кислого теста. Передав затем стоявшим рядом с ним этот хлеб и этот кубок, он стал принимать пять или шесть раз, поочередно, из их рук другие чаши и всякий раз начинал с того же самого благословения, которое громким голосом повторяли все присутствующие, колена преклоненные, расположившиеся в несколько рядов за спиной служителя культа, с непокрытыми головами, касаясь лбами земли в конце каждой молитвы, что делали и немолодые женщины. Шуат и лепешки были затем распределены между всеми, кто там находился. Жертвоприношения – теленок, овца и две козы – были затем подведены к кресту, будучи удерживаемы двумя мужчинами; и служитель культа, произнеся над этими животными благословение, вылил поочередно им на головы шуат, содержащийся в одном из кубков, и сжег немного шерсти с помощью одной из восковых свечей, горевших у основания дерева, стоявшего за крестом. По завершении этого ритуала трех животных отвели в сторону, чтобы зарезать, что стало для религиозного братства сигналом довольно шумного расставания, по крайней мере, для самой молодой его части. Некоторые отправились помогать разделывать жертвенных животных и размещать их в шеренге больших котлов; другие, ожидая приготовления еды, забавлялись бегом, прыжками и т.д., в то время как старшие провели этот промежуток времени в беседе.

Что касается главного служителя культа, привносившего в свои обязанности значительную толику достоинства, то он

продолжал в течение всего этого времени стоять перед крестом и столами с обнаженной головой, с манто на плечах и палкой в руке, руководя своими помощниками в исполнении ими их функций, к которым он относил равное распределение мяса между приблизительно шестьюдесятью столами, там находившимися, и считал это делом не менее важным. Служитель культа поочередно освятил каждый стол перед тем, как они были накрыты как для женщин, так и для мужчин» [28]. На празднике присутствовало от 400 до 500 человек, хотя иногда количество участников превышало и 2 тыс. человек. После особо массовых религиозных праздников устраивались многочисленные развлечения: танцы, скачки, стрельба холостыми патронами и т.д.

Религиозные праздники у горцев Черноморья происходили довольно часто и, помимо религиозных целей, позволяли людям устраивать дружеские встречи и раздавать немного животного мяса тем, кто без этих праздников мог отведать такую пищу крайне редко. Кроме всего того, что могут съесть и выпить все те, кто участвует в торжественном богослужении, самые бедные уносят домой немалые порции мяса для своих семей в силу того, что раздача бедным в таких случаях являлась частью религиозных предписаний [29].

Имели место и другие обряды. Так, Ф.Ф. Торнау, посетив абазинское племя медовеецев (современный район Красной Поляны) отмечал, что в Медовее только князь и некоторые дворянские фамилии исповедуют магометанскую религию, а простой народ склоняется к язычеству и, не имея определенных верований, в случае беды обращает свои молитвы к некоторым скалам и священным деревьям, а «к шайтану питают непреодолимый детский страх» [30].

Бывало, что христианские праздники перемешивались с иными верованиями. Так, в долине Пшат (у шапсугов) во время одного из таких обрядов присутствовало от 120 до 130 молодых людей во главе с несколькими старцами. Молодые люди образовали две стороны квадрата в небольшом расстоянии от самого большого дерева. Близ этого дерева был воздвигнут крест, а к стволу были прислонены другие, поврежденные кресты, некогда являвшиеся объектами религиозного поклонения, а ныне обреченные на медленное разруше-

ние временем. Перед крестом в ряд были расставлены 40–50 маленьких столов, накрытых хлебом и пастой; а позади дерева, на поперечной балке, были подвешены над большим костром несколько больших котлов. В качестве жертвы были приведены две козы, после чего присутствующие обратились с мольбой к Шибле – духу грома и молнии, во время этой молитвы с непокрытыми головами люди просили Небо даровать им защиту и отвернуть от них и их семей молнию и все остальные беды. После мольбы началась трапеза, на которой угощали лепешками и чашей с шуатом (медовухой), причем чашу передавали по кругу и из нее пили все [31]. Культ грома и молнии носил сугубо языческий характер, но тем не менее мы видим, что он гармонично уживался у шапсугов и с христианством. По нашему мнению, это происходило ввиду наложения религиозных пластов один на другой в течение многих веков.

Как правило, святыми местами были территории, где человека или животного убивала молния. Умереть от молнии считалось большой честью. Так, у адыгского племени шапсугов в районе Макупсе таким священным местом стала поляна, на которой молнией была убита коза. Голова козы помещалась на высокий шест, который в свою очередь крепко укреплялся в земле. В то же время шкура животного, расстеленная на перекладине, связанной с шестом, подобно флагу, колыхалась на ветру. Рядом находилось некое строение, состоящее из четырех свай, с ровной кровлей из тесно переплетенных веток и листьев, с маленькой, кругообразной оградой из прочного плетня. Все это являлось священным местом, где коза, пораженная молнией, обрела благословенную смерть; и ее бранные останки – за исключением головы и шкуры – были сложены под кровлей из листьев. Рядом с этим местом в течение трех дней местные жители должны были исполнять обряды поклонения духу грома и молнии, сочетая танцы с обильными застольями [32]. Кстати, этнографические экспедиции, проводимые в Лазаревском районе современной территории Большого Сочи в 1939 г., находили упоминания об этом культе [33].

Не может не вызывать удивление то обстоятельство, как горцы Черноморья смогли так долго скрывать свои религиозные верования от внешнего мира, в кото-

ром сложилось устойчивое мнение, что горцы являлись язычниками. На наш взгляд, это происходило ввиду закрытости территории, известно, что в свои земли горцы чужаков не пускали, с обрядами не знакомили и только лишь внешнее воздействие на них (русское военное присутствие) заставило горцев искать союзников вне региона. В поддержку этого мнения можно привлечь Фредерика Дюбуа де Монперэ, который отмечал, что «горцы Кавказа (имеется в виду территория горцев Черноморья) представляют обычно редкий пример того постоянства, с каким некоторые народы сохраняют свои древние нравы; что делалось за тысячу лет до нашей эры, что делалось во времена Страбона, то делается и сейчас. Чем дальше проникаешь внутрь долин, менее доступных влиянию чуждых потрясений и переворотов, тем более встречаешь античных обычаев и древних привычек; посещая потомков грузинских колхов у источников Фаза и Енгура, часто думаешь, что живешь во времена Гомера. Но ни одно из первобытных племен не осталось более верным своим античным нравам, чем черкесское. Обычно представляют себе черкесов сборищем разбойников и дикарей без веры и закона; думая так, ошибаются. Современное состояние Черкесии (первая треть XIX в.) знакомит нас с цивилизацией Германии и Франции во времена их первых королей. Это – образец феодальной рыцарской аристократии средних веков, героической аристократии античной Греции» [34].

Фредерик Дюбуа де Монперэ, разделяя горцев на классы, довольно убедительно сравнил их с моделью разделения на классы Франции и Германии в период Средневековья – в период первых королей. Принципиально важным в мнении де Монперэ является то, что вместе с феодальной рыцарской аристократией горцы унаследовали и христианство, которому потом служили почти тысячу лет.

Подводя итоги, необходимо отметить, что современная территория Российского Черноморья является колыбелью христианства в Российской Федерации. Возникшее здесь в III–IV вв. нашей эры Ветхозаветное христианство практически без существенных изменений просуществовало до начала XIX в. Несмотря на предпринятые Турцией в конце XVIII в. попытки исламизации региона, мусульманская рели-

гия носила здесь декларативный характер и укорениться не успела. В процессе сохранения чистоты веры были свои характерные особенности. Так, в местах торговых сношений с иноземцами наблюдался повышенный религиозный симбиоз, где в ходе диалога цивилизаций с христианст-

вом отчасти переплелось и язычество. Завершая, можно сделать вывод о том, что территория горцев Черноморья являлась исконно христианской территорией с богатейшим христианским историко-культурным наследием.

Литература

1. Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 4. СПб., 1902. С. 783.
2. Там же. Т. 18. СПб., 1902. С. 546.
3. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.
4. Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Том 1. Нальчик, 2007. С. 191–192.
5. Там же. С. 192.
6. Там же. С. 256–257.
7. Там же. Том 2. Нальчик, 2007. С. 80–81.
8. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Эльбрус. Нальчик, 1974. С. 535.
9. Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Том 2. Нальчик, 2007. С. 98.
10. Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 3. СПб., 1902. С. 645.
11. Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Том 1. Нальчик, 2007. С. 281.
12. Тхагушев Н.А. Садоводство адыгов: народные традиции, описания сортов, лесосады. Майкоп, 2008. С. 14.
13. Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев / Труды Института этнографии АН СССР. Т. 51, 1959. С. 201.
14. Тменов В.Х. Осетинское язычество в системе средневековых религиозных верований народов Северного Кавказа / <http://ossethnos.ru/others/95-osetinskoe-yazychestvo-v-sisteme-srednevekovykh-religioznykh-verovaniy-narodov-severnogo-kavkaza.html> (Дата обращения: 12.02.2011 г.).
15. Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Том 1. Нальчик, 2007. С. 281.
16. Там же. С. 390.
17. Там же. Том 2. Нальчик, 2007. С. 17.
18. Там же. С. 20.
19. Там же. С. 48.
20. Там же.
21. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. В двух частях. Майкоп, 2008. С. 164.
22. Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 11. СПб., 1902. С. 514.
23. Черкасов А.А. Сочи в войнах: историко-статистическое исследование // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 5.
24. Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Том 1. Нальчик, 2007. С. 72.
25. См. подробнее: Орден Иезуитов: правда и вымысел. М., 2007.
26. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Эльбрус. Нальчик, 1974. С. 543.
27. Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Том 2. Нальчик, 2007. С. 94–95.
28. Там же. С. 95–97.
29. Там же. С. 89.
30. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. В двух частях. Майкоп, 2008. С. 156.
31. Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Том 2. Нальчик, 2007. С. 87–89.
32. Там же. С. 74.

33. Рижский М. О культе Шибле у шапсугов //Материалы шапсугской экспедиции 1939 г. под редакцией С.А. Токарева и Е.М. Шиллинга. М., 1940.

34. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. Том I. (Грузинский филиал АН СССР. Труды института абхазской культуры. Выпуск VI. Свидетельства иностранцев об Абхазии). Сухуми, 1937. С. 39–40.

Сведения об авторах:

Рябцев Александр Александрович,
канд. экон. наук, первый проректор
СГУТиКД (Сочи).

Черкасов Александр Арвелодович,
д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и
культурологии СГУТиКД (Сочи).

E-mail: sochio03@rambler.ru